

Глава - 4. Штрих к портрету

На следующее утро Томет, едва проснувшись, быстро собрался и без лишних промедлений отправился в клинику, рассчитывая довести дело до конца, чего бы ему это ни стоило. Окружающая реальность за ночь ничуть не стала лучше — Томет все так же продирался сквозь трудно узнаваемый ландшафт, опасаясь лишь одного — в случае, если операция по каким-либо причинам будет отложена еще на день-два, он может перестать воспринимать ее в прежней семантике: из спасительной процедуры исцеления она может превратиться в что-то такое, на что Томет решиться будет уже не в состоянии. Всю дорогу он старался ни на что не обращать внимания, сосредоточившись на подготовке доводов и оттачивании аргументации, которые бы убедили врача в необходимости операции здесь и сейчас. До кабинета врача он добрался, полный непреклонной решимости не покидать клинику, пока его не избавят от этой опухоли.

Судя по тому, как его принял доктор, аргументы и формулировки, которые Томет подготавливал по пути в клинику, отразились на его лице, вобравшем в себя все переживания двух последних дней и настроение этого утра. Стоило Томету переступить порог кабинета, как хирург, узнав его, тут же догадался не только о причинах его визита, но и о том состоянии, в котором он находился. Не утруждая себя ненужными дискуссиями, врач ограничился лишь повторным описанием сложности формы липомы, предупредив, что визуальный эффект от процедуры может быть меньшим, чем ожидает Томет, и что поэтому пусть тот не рассчитывает на эстетическую безупречность. Все это Томет выслушал вполуха, заранее соглашаясь на все последствия и повторяя, как мантру, лишь одно: липому нужно удалить, и как можно скорее.

Видя это, хирург не стал его отговаривать и ограничился лишь тем, что попросил его подписать бланк о принятии на себя ответственности за результат операции, бланк отказа от претензий в случае осложнений и заявку на хирургическую процедуру. Томет поставил свой росчерк на трех совершенно идентичных в его восприятии листах, которые ассистентка аккуратно разложила по столь же одинаковым папкам (его уже не удивляло то, что окружающие находят тонкие различия в однообразной бессмыслице, которая его окружала). “Ничего, — думал он, наблюдая за ее странными локомоциями по кабинету, — Ждать уже недолго... *I'll be back!*”

Все дальнейшие процедуры были хорошо знакомы Томету, поэтому прошли мимо его внимания: подготовка, простыня, анестезия... Он не ощущал практически ничего, потому что все его мысли были сосредоточены на внутреннем счетчике обратного отсчета, который где-то глубоко внутри него мерно щелкал, отмеряя наступающий момент удаления опухоли, приближая порог освобождения от чужеродного влияния, очищения сущности Томета. Лежа под простыней, он, естественно, не мог знать, на каком этапе находится операция и сколько времени осталось до ее завершения, поэтому этот счетчик не выражался в какие-то конкретных числах, однако с каждой секундой он ощущал приближение финала, достижение нулевой отметки — той точки отсчета в общей системе координат, которую он тщетно искал вокруг себя все эти дни...

Наконец, хирург звякнул инструментом, возвращенным в поддон, и произнес давно ожидаемые слова:

— Вот и всё. Задача оказалась проще, чем я думал... Можете свободно вздохнуть — все лишнее удалено, операция завершена. Только не спешите вставать...

Томет даже не думал шевелиться, вместо этого он продолжал неподвижно лежать с закрытыми глазами, не замечая, как его висок обрабатывали, накладывая антисептический пластырь. Все это время он опасливо прислушивался к себе, к своим реакциям, к своим ощущениями, эмоциям, мыслям и ассоциациям. Кроме радостной мысли о том, что он наконец-то здоров, кроме ощущения свершившегося освобождения от опухоли, его голову больше ничего не занимало. Боясь разрушить хрупкую надежду на избавление, первое время он не спешил смотреть вокруг себя, осторожно сосредоточившись вместо этого на изучении внутренних ощущений. И лишь когда убедился, что в них нет никакого чужеродного налета, с каждой секундой все больше доверяя самому себе, он открыл глаза и осмотрелся. Все, что он видел вокруг, было, как в лучшие дни — привычным и знакомым, все виделось настоящим и незыблемым, все было живым и означенным, включая доктора, снимавшего у окна халат, и ассистентку, которая, наклонившись, убирала в стерилизатор инструменты — ее фигура, подсвеченная лучами утреннего солнца, также радовала Томета привычными стимулами здоровой жизни. Однако больше всего он наслаждался переменной во внутренних ощущениях, которые невозможно было выразить ни в каких чувственных категориях. Эти ощущения можно было сравнить с обретением уверенности в собственном теле и облегчением от сознания наступившей чистоты, наступающих после того, как вымоешь с мылом руки, которые до этого были загрязнены чем-то септическим. Он словно избавился от этой постоянно преследующей мысли, что зараза притаилась на подушках пальцев, на ладонях и запястьях — её смыла вода, и теперь он снова может без опасения пользоваться своим телом... Томет ощущал сейчас именно это ощущение чистоты, это спокойное доверие к собственным органам — отныне ни одна клеточка его, ни один рецептор, ни одна ассоциативная связь не угрожали ему, не были чуждыми его подлинному “Я”. Он ощутил, как к нему вернулась уверенность в своих силах, в своей цельности, в своей значимости, следом за которыми пришло понимание такой же значимости всего окружающего мира.

После того, как Томета полностью удовлетворили результаты интроспекции, впечатления от инспекции окружающего мира были ожидаемо положительными. В зеркальной поверхности бестеновой лампы отразился его лоб, украшенный пластырем, захватившим половину брови и придающим Томету вид байкера, пережившего неудачный вираж. Томет стал осторожно выбираться из хирургического кресла, по очереди опуская ноги — и тут ему стала понятна радость, которую испытывают моряки, ступающие на незыблемую твердь суши после долгого плавания: пол, на который он опустился, был восхитительно прочным, устойчивым и однозначным.

Томет от всей души поблагодарил хирурга, улыбнулся ассистентке и неторопливым шагом вышел из кабинета. Он шел по коридору, с удовольствием рассматривая встречавшихся ему больных и медсестёр, наслаждаясь сознанием того факта, что они сами, со своей стороны, встречают на своем пути — именно его, настоящего Томета, а не помесь стилиста с неведомой абстракцией... Избавившись от опухоли, он снова впустил в себя весь спектр привычных ощущений, эмоций, жизненных метафор и чувств. Он снова ощущал в себе ту определенность, которой ему так недоставало эти два дня, а вместе с ней к нему вернулось привычное членение воспринимаемых образов на то, чем является сам Томет, и то, чем он не является и никогда являться не будет — т.е. всё окружающее. Реальность снова стала четкой и понятной, налившись недостающими категориями и

красками. Он смотрел по сторонам, радостно прислушивался к словам больных и ловил запахи спирта, камфоры и антисептиков, наслаждаясь четкостью ощущений, естественностью ассоциаций и конкретикой в образах, к которым они вели. Никакого влечения к сложным формам, к бесконечным и самоподобным поверхностям он более не испытывал. Строгая и четкая геометрия, состоящая из типовых графических объектов — таким отныне будет его базовый набор, его концептуальные элементы дизайна, его типо-графия. В его голове больше не было нароста, который вклинивался в его самость, влиял на его вкусы и прививал ему патологический интерес к фракталам, к усложнению форм, к обнаружениям повсюду примеров самоотражений и к бесконечной рефлексии.

Теперь ничто не мешает Томету найти общий язык со своими сотрудниками. Им не нравилось его пристрастие к вычурности в стиле? Да пожалуйста — он без труда перейдет на материальный дизайн, на примитивы, утвержденные бизнес-логикой и тем, что называют usability. Возможно, он даже сможет найти в естественности и простоте что-то свое. Возможно, ему даже удастся полюбить принцип интуитивной доступности для человека (а в идеале — для любого теплокровного существа), не допускающий множественных толкований и сомнительных аллюзий. Пропорциональные плоскости, палитры комплементарных цветов, число Фибоначчи — как основа для золотого сечения, но использованное однократно, ни в коем случае не рекурсивно! Веками утвержденное отношение природы и человека нужно не размывать холистическими претензиями, а использовать в дизайне, составные элементы которого определяются концептами, которые каждый из нас впитал еще на внутриутробном этапе развития. Томет теперь отлично знает, чем грозит утрата этих концептов — он никогда больше не закажет себе капусту Романеско.

Покидая фойе клиники, Томет ненадолго задержался у зеркала, чтобы полюбоваться на себя самого. Ему доставляло удовольствие узнавание этого отражения — пусть даже с небольшим дополнительным штрихом на портрете. Однако именно этого штриха ему недоставало для того, чтобы вернуть себя, чтобы видеть приветливый окружающий мир, а не бурлящее однообразие каких-то завихрений и потоков непонятно чего. Сладкая ноющая боль, причиняемая ему свежим швом, напоминала ему об избавлении от чужеродного образования. Томет шел сквозь толпу и улыбался встречным прохожим — только для того, чтобы заставлять лицевую мышцу создавать напряжение в этом послеоперационном шве. Наслаждаясь своей болью, он надеялся, что, когда шов затянется, он уже свыкнется с возвращенным ему статусом полноценного человека, перестав нуждаться в этом зуде, как в напоминании о том, что он — это он, настоящий, свой собственный Томет. Завтра он возвращается в офис.

Отойдя недалеко от здания, он обернулся назад и увидел в окне второго этажа хирурга и его ассистентку, смотревших ему вслед. Томет жизнерадостно улыбнулся и благодарно кивнул им обоим. Доктор помахал ему в ответ.

Глядя из окна на Томета, ассистентка с восторгом, в котором почти не было преувеличения, произнесла:

— Я, конечно, читала про эффект от хирургического плацебо, но такое вижу впервые. Я поражена! Только... вы не боитесь, что он сделает томографию и обнаружит, что операция была фейком?

Врач усмехнулся и уверенно ответил:

— Ты же видела, каким он к нам пришел, и каким вышел. Не волнуйся — для сомнения в своем здоровье у него уже нет причин. Чтобы иметь потребность копаться в себе и разбираться в том, что там кроется, нужен какой-то комплекс неполноценности, а мы с тобой только что удачно избавили от него этого господина. Так что историю болезни пациента Хансельва можешь смело отправлять в архив — мы его больше не увидим.

И, как бы ставя точку, он хлопнул своей широкой и крепкой ладонью уверенного в себе специалиста по ее левой ягодице — упругой и безупречно сферичной.

© Валентин Лохоня 2019.09.01

<https://nonnihil.net>